

Политконсультант / Political Science and Technology <https://politicjournal.ru>

2021, №3, Том 1 / 2021, No 3, Vol 1 <https://politicjournal.ru/issue-3-2021.html>

URL статьи: <https://politicjournal.ru/PDF/06PK321.pdf>

Ссылка для цитирования этой статьи:

Уваров, И. А. Информационная составляющая гибридных войн / И. А. Уваров // Политконсультант. — 2021. — Т. 1. — № 3. — URL: <https://politicjournal.ru/PDF/06PK321.pdf>

For citation:

Uvarov I.A. The information component of hybrid wars. *Political Science and Technology*. 2021; 1(3): 01PK121. Available at: <https://politicjournal.ru/PDF/06PK321.pdf>. (In Russ., abstract in Eng.).

УДК 316.614.4

Уваров Игорь Алексеевич

ФГКОУ ВО «Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации»

Ставропольский филиал, Ставрополь, Россия

Доцент кафедры «Уголовного права и криминологии»

Кандидат юридических наук

E-mail: uvarov.igor@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2678-7505>

РИНЦ: https://elibrary.ru/author_profile.asp?id=456707

Информационная составляющая гибридных войн

Аннотация. Статья «Информационная составляющая гибридных войн» исследует роль информационного воздействия в современных войнах, особенно в контексте гибридных конфликтов. Гибридная война, стала своеобразной Ахиллесовой пятой современной гуманитарной науки. Специалисты различных областей знаний, уделяют этому социально-политическому явлению очень много внимания. По мнению автора статьи, это связано с тем, что человечество шагнуло в информационный век — коммуникаций и технологий. Теперь основным орудием в противоборстве между государствами становится информация и способы ее передачи. Современная гуманитарная наука, определила такого рода противостояния специальным термином — «информационная война», что по мнению автора вполне логично, в связи с характером такого непримиримого противоборства. Сочетание этих двух самостоятельным понятий и явлений — «гибридная война» и «информационная война» дает основания многим исследователям отождествлять их. Анализ различных способов ведения информационной войны через поражение сознания населения, целенаправленным манипулированием достоверной и недостоверной информацией, дает основание автору рассматривать ее как одону из составляющих гибридной войны. В заключение, автор подчеркивает, что на сегодняшний день, наша страна еще не выработала действенных механизмов, по противодействию к манипулятивным технологиям информационной войны. Качественные характеристики инструментария, используемого нашими специалистами, существенно ниже, применяемых нашими оппонентами. В тоже время, считаем необходимым отметить, что наметившаяся в последние годы тенденция, по выработке адекватных механизмов противодействия информационным атакам, приобретает положительную динамику. Это связано с необходимостью улучшения кибербезопасности, усиления механизмов защиты от дезинформации и пропаганды, а также развития и расширения навыков информационной войны и информационного анализа.

Ключевые слова: гибридная война; информационная война; манипуляция сознанием; кибернетические атаки; дезинформация; гуманитарная наука; манипулятивные технологии

Введение

Термин — «гибридные» для определения войны нового типа в современном военно-политическом дискурсе стал использоваться относительно недавно. Словосочетание «гибридная война» («hybrid warfare» — англ.) предлагает включать в себя сочетание классических методов военных действий с партизанскими, информационными т. п. операциями. Интересным на наш взгляд, является то, что отдельные авторы, предлагают считать, что «гибридные войны» существуют с «незапамятных времен» и отсылают к Пелопоннесской войне (V веке до н.э.) [1]. Анализ аргументов авторов такой трактовки гибридной войны, на наш взгляд довольно неубедительны и полагаем в этой связи употреблять «гибридный» характер тех событий именно в кавычках. Скорее всего, речь идет о неких тактических приемах, которые позволяли выигрывать не только войны, но и принципиальные противостояния между двумя соперничающими государственными образованиями. С таким же успехом, можно любые исторические события далекой древности экстраполировать на современность и находить много сходства. Такой методологический подход, на наш взгляд, контрпродуктивен, т. к. характер и природа войн, — по мнению американского исследователя Х.Х. Терни, — «в разные исторические периоды существенно различались» [2].

К очевидным фактам, следует отнести то, что в современном мире, основным средством в противоборстве двух и более сторон, стала — информация и скорость ее передачи. Отсюда и мнение тех авторов, что гибридная война, может иметь место только там, где есть использование в совокупности с иными военными и невоенными средствами информационного воздействия [3; 4], является более логичной. По крайней мере, она не предполагает длинных исторических экскурсов, а показывает реальный механизм воздействия (поражения) противника на расстоянии и не подвергая риску своих сограждан.

Отчасти это может быть связано с определенным терминологическим расхождением. Дело в том, что большинство зарубежных авторов, пишущих о гибридной войне, используют термин — «warfare», что в дословном переводе означает — «военные действия» или «враждебные действия». В то время как отечественные авторы, используют термин — «war» — «война».¹ Военные словари, предлагают рассматривать эти термины как синонимы. На самом деле, с точки зрения русского языка, это два разных, а в отдельных случаях и противоположных понятия. Например «холодная война», не предполагала военных действия. И наоборот, военные действия могут не предполагать реальной (юридическом и политическом смысле) войны. На наш взгляд, целесообразнее рассматривать, это явление не как война, в смысле — «war», а как «warfare», — «военные» или «враждебные» действия. Здесь прослеживается характер сочетания непосредственной военной силы и иных невоенных средств.

Метод

Основным методом, применяемым в пределах данного исследования, является вторичный анализ научных публикаций, в ходе которого анализировались работы ведущих авторов в данном направлении. В рамках данного метода, проиллюстрировано развитие дискурса, а также обозначена его проблематика, связанная с различием в трактовании основных понятий. В рамках настоящей работы не представилось возможным раскрыть все наработки в отношении заявленной темы, что порождает определенную область ограничения на сделанные аналитические выводы.

---

¹ Ильясов Ф.Н. Словарь социальных исследований / Ф.Н. Ильясов. — М.: ИЦ Орион. 2016. URL: <http://www.iliassov.su/dic/dictionary.html>.

Литературный обзор

В подтверждении нашего предположения, можно привести такие факты. Помимо понятия «гибридная война» в литературе активно используются и производные от него словосочетания «гибридное воздействие» (hybrid impact), «гибридный удар» (hybrid strike), «гибридная угроза» («hybrid threat») и т. п. Все эти словосочетания, активно используются в западной военной и политической сферах, как общепринятые. Аналогичная ситуация прослеживается в отечественной научной литературе. В этой связи, мы может отметить это, с одной стороны, как положительный факт — предпринимаются попытки осмыслить новую военную и социально-политическую реальность, вырабатывая при этом средства противодействия. С другой стороны — отрицательный. Большое количество авторов, слабо владеющих материалом, предпринимают попытки выносить в научное пространство свои суждения, зачастую носящие умозрительный характер.

Особняком в системе формирующихся отечественных научных представлений о гибридной войне, стоят те немногочисленные авторы, которые пытаются рассмотреть это социально-политическое явление, как несостоятельное [5; 6]. В тоже время, даже скептики не отрицают, что, существует достаточно оснований, для его комплексного изучения.

Совершенно иной концептуальный подход, к понятию и содержанию гибридных войн, мы находим у наших западных «непартнеров». По инициативе руководства НАТО понятие «гибридная война, стала активно использоваться в различных документах альянса после «Крымской весны». Причем, как это стало традицией, содержание ему было определено довольно пафосное — «скрытные агрессивные действия государства, идущие вразрез с основами международного права». Причем, авторы такой трактовки, безусловно уверены в том, что их действия, в других странах и регионах в полной мере согласуются с нормами международного права.

Проведя комплексный анализ российской операции по присоединению Крыма, НАТОвские специалисты пришли к заключению, что основной формой гибридной войны, должны стать «гибридные операции» (hybrid operations), под которыми они понимают — «согласованные по целям, задачам, месту и времени мероприятия, и акции, направленные на оказание требуемого воздействия на страну, осуществляемой без прямого и явного использования силовых структур» [7].

Результаты

Основу гибридных операций будут составлять формы и способы, так называемых «гибридных действий» (hybrid actions), которые будут включать в себя:

- информационные операции (information operations), цель которых оказание дестабилизирующего воздействия на органы государственного и военного управления страны противника (дезинформация, дезориентирование, введения в заблуждение, провокации);
- психологические операции (psychological operations), целью является морально-психологическое состояние населения, а также снижение боевого духа военнослужащих государства противника (подозрительность, взаимное недоверие, провоцирование деструктивной мотивации);
- кибернетические атаки (cyber attacks), цель которых дестабилизирующее воздействие не только в отношении государственных, но и иных негосударственных структур (нарушение алгоритма работы аппарата управления и информационных систем);

- экономическое эмбарго (economic embargo), цель, удар по экономике государства-противника (прекращение инвестиций, снижение товарооборота, препятствие росту и развитию экономической мощи);
- протестные акции оппозиционных движений (protest actions of opposition movements), цель, активизация деструктивной деятельности так называемых «агентов влияния» (дестабилизация ситуации внутри государства-противника, нарушение системы управления и расширение сепаратистских тенденций);
- вооруженные нападения и диверсионные действия (armed attacks and sabotage actions), цель воздействие на органы государственной и муниципальной власти (сепаратистские и террористические организации, незаконные вооруженные формирования, не аффилированные с иными государствам).

Реализация «гибридных действий» должно осуществлять на следующих принципах:

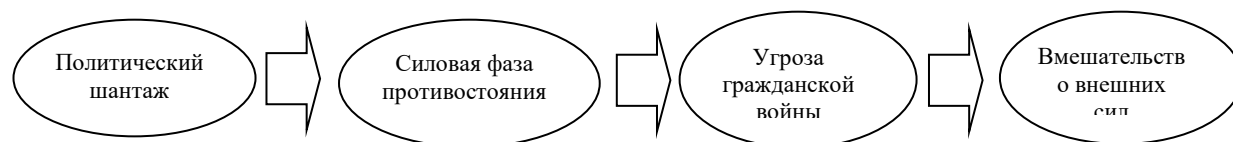
1. Своевременность — способность определять проблему, оценивать ее и принимать решение в минимальные временные сроки.
2. Внезапность — действия противоборствующей страны должны быть неожиданными для противника.
3. Скрытность — проведение операции осуществляется в условиях строжайшей секретности.

Обсуждение

Как видим, члены Северо-Атлантического альянса рассматривают гибридные войны прежде всего как элемент информационного и психологического воздействия на противника. Здесь, обращает на себя внимание, что авторы этой концепции исходят из представлений о том, что противник, должен разрушать свое государственное образование самостоятельно, тем самым облегчая задачу агрессора, исключая необходимость применения военной силы. По справедливому утверждению генерал-полковника Л.Г. Ивашова — это ярчайший пример применения в гибридной войне, так называемых операций «мягкой силы» [8]. Данный концептуальный подход, в полной мере реализуется в механизме, так называемых — «цветных революций». Специально исследивший эту проблему Ф.В. Ниточкин констатирует, что «цветные революции» являются формой «гибридной войны», т. к. «становится главным дестабилизирующим фактором, как для отдельных государств, так и для системы международных отношений в целом». Примером могут служить многочисленные факты, происходившие в бывших советских республиках в последние десятилетия:

- «Революция роз» в Грузии (2003 г.);
- «Оранжевая революция» на Украине (2004–2005 г.) [9];
- «Революция тюльпанов» в Киргизии (2005 г.) [10].

С момента этих событий прошло уже достаточно много времени, и мы имеем реальную возможность провести ретроспективный анализ, дающий понимание не только сущности этих «революций», но и их информационно-психологическую природу. По оценке А. Манойло, «цветные революции — это технологии осуществления государственных переворотов и внешнего управления политической ситуацией в стране в условиях искусственно созданной политической нестабильности, в которых давление на власть осуществляется в форме политического шантажа с использованием в качестве инструмента шантажа молодежного протестного движения». На наш взгляд, здесь прослеживается классический пример использования всех технологии гибридной войны (рис. 1).

Рисунок 1. Последовательность применения технологий гибридной войны в «цветных революциях» [11]

На рисунке наглядно представлены не только все технологии гибридной войны, но и этапы их реализации. На первом этапе реализуется условно «мирный» сценарий политического противостояния в виде мирных демонстраций (в украинском варианте — майдан). На втором этапе, происходит жесткая конфронтация с действующей властью (причины, роли не играют, главное — применение силы). Третий этап, конфронтация нарастает, «до предела» — угроза гражданской войны (возможны варианты, отдельных ее проявлений). Вмешательство внешних сил (непосредственное участие в событиях, либо посредничество / сторона гарант переговорного процесса). Итог: государственный переворот. События на Украине в 2014 году, наглядно продемонстрировали действенность такого развития событий, но и закономерность результата.

На Украине, как и в других вариантах «цветных революций», ведущую роли сыграло манипулирование информацией. Она была разумно препарирована в нужном контексте и в нужное время, до предела обострив информационное противостояние. Для всех заинтересованных субъектов, стало вполне очевидным, что население любого государственного образования или территории находится в зависимости от информационного воздействия. Следовательно, владеет умами тот, кто владеет средствами коммуникации (управляет информационными потоками и их содержанием). На первый взгляд, может показаться, что здесь нет ничего нового. Информационное противоборство, как мы отметили вначале, всегда использовалось государствами для воздействия на противника. Однако, такого глобального манипулирования сознанием, история, по сути, не знала. Миллионы людей, верили в реальность, которую ей создавали и не предпринимали малейших попыток подвергнуть ее критическому анализу. И что интересно, никто от них, не пытался скрывать реальное положение дел.

Несмотря на то, что данное явление давно исследуется специалистами, закрепившись в науке под названием — «информационная война» ее эффективность в последние десятилетия поражает [12]. В литературе по этому поводу высказывается довольно скептическое суждение по поводу того, что в нашей стране, прослеживается существенное отставание от ведущих стран Запада в этом направлении противоборства. Здесь, на наш взгляд, нет ничего удивительного. Именно в конце 60-х, начале 70-х годов прошлого столетия, на Западе произошел буквально «прорыв» в развитии информационно-телекоммуникационных технологий (формы «конкурентной борьбы») [13]. Капиталистическая конкуренция, требовала выработки действенных механизмов для их защиты. Таким образом, фактически параллельно шли разработки в двух противоположных направлениях — защиты и «нападения» (способов завладения чужой информацией) — «информационное доминирование» [14]. Это послужило своеобразным толчком к пониманию того, что информационное противоборство, может служить не только чисто экономическим целям, но и политическим (военно-политическим).

Проанализировав систему зарубежных подходов к определению информационной войны А.В. Бедрицкий, пришел к заключению, что у них принято разделять ее на два самостоятельных направления:

1. «Информационную войну» — в собственном значении этого слова, где используются исключительно манипулятивные технологии.

2. «Войну в информационную эпоху» где насыщение обычных вооружений информационными устройствами, является условным и направлено на достижение конкретных политических целей [15].

Заключение

Таким образом, можно констатировать, что современная мировая политика, не пошла по пути отказа от применения военной силы. Акторы международных отношений, осознали те огромные преимущества, которые им предоставляют средства информационной войны. Поэтому все усилия были направлены на разработку психологических технологий, позволяющих манипулировать сознанием той части населения государств-противника, которое наименее устойчиво к такого рода воздействиям. Это прежде всего, властные элиты, в силу их субъективного отношения к власти как способе существования и молодежь, как категория с наименее устоявшимися жизненными взглядами и установками. Джозеф С. Най определил это как новую стратегию: «подрыв общественной системы противника и его политической воли сражаться».²

Информационная открытость любого государственного образования, в эпоху информационного технологического превосходства оппонентов, делает его практически беззащитным от гибридных и информационных угроз. Подчеркивая свое доминантное положение в этом вопросе США в 1992 году, официально включили термин «информационная война» в документы, определяющие ее стратегию.³ На сегодняшний день, наша страна еще не выработала действенных механизмов, по противодействию к манипулятивным технологиям информационной войны. Качественные характеристики инструментария, используемого нашими специалистами, существенно ниже, применяемых нашими оппонентами. Можно, конечно, скептически заметить, что опыт наших соседей, нас ничему не научил и мы продолжаем находиться в положении аутсайдеров в этом вопросе. В тоже время, считаем необходимым отметить, что наметившаяся в последние годы тенденция, по выработке адекватных механизмов противодействия информационным атакам, приобретает положительную динамику.

ЛИТЕРАТУРА

1. Murray W. Hybrid Warfare: Fighting Complex Opponents from the Ancient World to the Present / W. Murray, P.R. Mansoor. — Cambridge: Cambridge University Press, 2012. — 321 p.
2. Turney-High H.H. Primitive War: Its Practice and Concepts / H.H. Turney-High. — Columbia: University of South Carolina Press, 1971. — 288 p.
3. Боргоякова Я.Р. Информационные войны как инструмент современной гибридной войны «мирных» демократических государств / Я.Р. Боргоякова, И.В. Игнатьева // Наука. Общество. Образование: Материалы Всероссийской НПК, Иркутск, 25 апреля 2018 года / Под общ. ред. Е.В. Барашевой. Том 1. — Иркутск: ООО «Сетевой институт дополнительного профессионального образования», 2018. — С. 29–32.

---

² Най Джозеф С. До скорой встречи, оружие! // Новая газета. 2010. № 10.

³ Department of Defense Directive TS-3600.1, 21 December 1992, «Information Warfare».

4. Евстафьев Д.Г. «Гибридные войны» как проекция «информационного общества» периода кризиса глобализации / Д.Г. Евстафьев // Смена веков 3.2. Выпуск 1. — М.: Э.РА, 2015. — С. 110–144.
5. Першин Ю.Ю. «Гибридная война» как интеллектуальная провокация / Ю.Ю. Першин // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. — 2015. — Т. 1(67), № 1. — С. 80–88.
6. Першин Ю.Ю. Гибридная война: много шума из ничего / Ю.Ю. Першин // Вопросы безопасности. — 2019. — № 4. — С. 78–109.
7. Клименко С. Теория и практика ведения «Гибридных войн» (по взглядам НАТО) 2015» / С. Клименко // Зарубежное военное обозрение. — 2015. — № 5. — С. 109–112.
8. Ивашов Л.Г. Операции «мягкой силы» в гибридной войне / Л.Г. Ивашов // «Мягкая сила» в международных отношениях: Сборник научных трудов / Под ред. Л.Г. Ивашова. — М.: Московский государственный лингвистический университет, 2018. — С. 39–59.
9. Николаева Г. Оранжевая революция на Украине / Г. Николаева // Революции в отечественной и мировой истории: к 100-летию российских революций 1917 года: Материалы международной научной конференции, Санкт-Петербург, 14 апреля 2017 года / Под ред. В.М. Доброштан, С.И. Бугашева, А.С. Минина, Т.В. Рабуш. — Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, 2017. — С. 556–559.
10. Эсенбаев А. «Революция тюльпанов» в Киргизстане и особенности трансформации политической системы: попытка осмысления / А. Эсенбаев // Россия и мусульманский мир. — 2009. — № 7. — С. 78–84.
11. Манойло А.В. Цветные революции и технологии демонтажа политических режимов / А.В. Манойло // Мировая политика. — 2015. — № 1. — С. 1–19.
12. Rona T.P. Weapon Systems and Information War / T.P. Rona. — Boeing Aerospace Co., Seattle, WA, 1976. — 50 p.
13. Alberts D.S. Developing and Leveraging Information Superiority / 2nd ed., revised / D.S. Alberts, J. Garstka, F.P. Stein // CCRP. — 2000. — February. — P. 29–35.
14. Libicki M.C. Information Dominance // Strategic Forum. — 1997. — № 132. — November. URL: <https://universityofleeds.github.io/philtaylorpapers/vp0103d8.html>.
15. Бедрицкий А.В. Информационная война: концепции и их реализация в США / А.В. Бедрицкий / Под ред. д.и.н. Е.М. Кожокина. — М.: РИСИ, 2008. — 187 с.

Uvarov Igor Alekseevich

Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation
Stavropol branch, Stavropol, Russia
E-mail: uvarov.igor@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2678-7505>

RSCI: https://elibrary.ru/author_profile.asp?id=456707

The information component of hybrid wars

Abstract. The article «Information component of hybrid wars» explores the role of information influence in modern wars, especially in the context of hybrid conflicts. Hybrid war has become a kind of Achilles' heel of modern humanities. Specialists in various fields of knowledge pay a lot of attention to this socio-political phenomenon. According to the author of the article, this is due to the fact that humanity has stepped into the information age — communications and technology. Now the main weapon in the confrontation between states is information and the means of its transmission. Modern humanitarian science has defined this kind of confrontation with a special term — «information war», which, according to the author, is quite logical, due to the nature of such an irreconcilable confrontation. The combination of these two independent concepts and phenomena — «hybrid war» and «information war» gives grounds for many researchers to identify them. An analysis of various ways of conducting an information war through the defeat of the consciousness of the population, the purposeful manipulation of reliable and unreliable information, gives the author grounds to consider it as one of the components of a hybrid war. In conclusion, the author emphasizes that to date, our country has not yet developed effective mechanisms to counter the manipulative technologies of the information war. The qualitative characteristics of the tools used by our specialists are significantly lower than those used by our opponents. At the same time, we consider it necessary to note that the trend that has emerged in recent years, to develop adequate mechanisms to counter information attacks, is gaining positive momentum. This is due to the need to improve cybersecurity, strengthen defense mechanisms against disinformation and propaganda, and develop and expand information warfare and information analysis skills.

Keywords: hybrid war; information war; manipulation of consciousness; cyber attacks; disinformation; humanities; manipulative technologies

REFERENCES

1. Murray W. Hybrid Warfare: Fighting Complex Opponents from the Ancient World to the Present / W. Murray, P.R. Mansoor. — Cambridge: Cambridge University Press, 2012. — 321 p.
2. Turney-High H.H. Primitive War: Its Practice and Concepts / H.H. Turney High. — Columbia: University of South Carolina Press, 1971. — 288 p.
3. Borgoyakova Ya.R. Information wars as a tool of modern hybrid war of "peaceful" democratic states / Ya.R. Borgoyakova, I.V. Ignatieva // Science. Society. Education: Materials of the All-Russian NPK, Irkutsk, April 25, 2018 / Ed. ed. E.V. Barasheva. Volume 1. — Irkutsk: LLC "Network Institute of Additional Professional Education", 2018. — P. 29–32.
4. Evstafiev D.G. “Hybrid wars” as a projection of the “information society” during the globalization crisis / D.G. Evstafiev // Change of milestones 3.2. Issue 1. — M.: E.R.A., 2015. — P. 110–144.

5. Pershin Yu.Yu. "Hybrid war" as an intellectual provocation / Yu.Yu. Pershin // Uchenye zapiski V.I. Vernadsky. Philosophy. Political science. Culturology. — 2015. — Т. 1(67), No. 1. — P. 80–88.
6. Pershin Yu.Yu. Hybrid warfare: much ado about nothing / Yu.Yu. Pershin // Security Issues. — 2019. — No. 4. — P. 78–109.
7. Klimenko S. Theory and practice of conducting "Hybrid wars" (according to NATO) 2015 / S. Klimenko // Foreign military review. — 2015. — No. 5. — P. 109–112.
8. Ivashov L.G. Operations of "soft power" in a hybrid war / L.G. Ivashov // "Soft power" in international relations: Collection of scientific papers / Ed. L.G. Ivashova. — M.: Moscow State Linguistic University, 2018. — P. 39–59.
9. Nikolaeva G. Orange Revolution in Ukraine / G. Nikolaeva // Revolutions in national and world history: to the 100th anniversary of the Russian revolutions of 1917: Proceedings of the international scientific conference, St. Petersburg, April 14, 2017 / Ed. V.M. Dobroshtana, S.I. Bugasheva, A.S. Minina, T.V. Rabush. — St. Petersburg: St. Petersburg State University of Industrial Technologies and Design, 2017. — P. 556–559.
10. Esenbaev A. "Tulip Revolution" in Kyrgyzstan and features of the transformation of the political system: an attempt to comprehend / A. Esenbaev // Russia and the Muslim world. — 2009. — No. 7. — S. 78–84.
11. Manoilo A.V. Color revolutions and technologies for dismantling political regimes / A.V. Manoilo // Mirovaya Politika. — 2015. — No. 1. — P. 1–19.
12. Rona T.P. Weapon Systems and Information War / T.P. Rona. — Boeing Aerospace Co., Seattle, WA, 1976. — 50 rubles.
13. Alberts D.S. Developing and Leveraging Information Superiority / 2nd ed., revised / D.S. Alberts, J. Garstka, F.P. Stein // CCRP. — 2000. — February. — P. 29–35.
14. Libicki M.C. Information Dominance // Strategic Forum. — 1997. — No. 132. — November. URL: <https://universityofleeds.github.io/philtaylorpapers/vp0103d8.html>.
15. Bedritsky A.V. Information war: concepts and their implementation in the USA / A.V. Bedritsky / Ed. d.h.s. E.M. Kozhokina. — M.: RISI, 2008. — 187 p.